

18+

Проспер де Барант

**История
герцогов
Бургундии
из дома
Валуа
(1364–1477)**

Том 1

Проспер де

**История герцогов Бургундии
из дома Валуа (1364–1477). Том 1**

«Издательские решения»

де П.

История герцогов Бургундии из дома Валуа (1364–1477). Том 1 /
П. де — «Издательские решения»,

Первый том посвящен Филиппу Смелому (1364–1404), основателю могущества бургундской ветви дома Валуа. Получив герцогство, он усмиряет разбойничьи «компании», а благодаря браку с Маргаритой Фландрской присоединяет Фландрию, Артуа и Невер. Став регентом при безумном короле Карле VI, Филипп укрепляет свою власть. Том завершается разгромом фламандцев при Розебеке (1382) и подавлением восстаний. Барант создает портрет дальновидного правителя, заложившего фундамент будущего величия Бургундии.

© де П.

© Издательские решения

Содержание

История герцогов Бургундии из дома Валуа (1364—1477). Эссе по 12-томному труду П. де Баранта	6
Об авторе	6
Том 1: Филипп Смелый: Основатель могущества	7
Том 2: Регентство, Роскошь и Первые Искры Войны	8
Том 3: Иоанн Бесстрашный — Убийство и Гражданская Война	10
Том 4: Иоанн Бесстрашный — Азенкур, Предательство и Гибель	12
Том 5: Филипп Добрый — Между Местью и Государством	14
Том 6: Филипп Добрый — Миротворец и Архитектор	16
Том 7: Филипп Добрый — Зенит, Крестовый поход и Предвестие Бури	18
Том 8: Филипп Добрый — Закат, Конфликт и Рождение Врага	20
Том 9: Карл Смелый — Последний рыцарь и Восход Бури	22
Том 10: Карл Смелый — Зенит и Первая Трещина	24
Том 11: Карл Смелый — Крах и Гибель. Мария Бургундская — Спасение Наследства	26
Том 12: Мария Бургундская — Раздел Наследства и Рождение Новой Европы	28
Заключение: Историческая эпопея де Баранта и значение её перевода на русский язык	30
Предисловие	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

История герцогов Бургундии из дома Валуа (1364—1477) Том 1

Проспер де

Переводчик Валерий Алексеевич Антонов

© Проспер де, 2026

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2026

ISBN 978-5-0069-9590-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0069-9593-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

История герцогов Бургундии из дома Валуа (1364—1477). Эссе по 12-томному труду П. де Баранта

Об авторе

Амабль Гийом Проспер Брюжьер, барон Проспер де Барант (1782—1866) — французский историк, государственный деятель, дипломат, писатель и член Французской академии. Он занимал пост министра внутренних дел (1828—1829), министра иностранных дел (1830), а также был послом Франции в России (1835—1841) и Великобритании (1841—1846). В качестве пэра Франции он активно участвовал в политической жизни страны, прежде чем посвятить себя науке.

Помимо своего *magnum opus* — «Истории герцогов Бургундии», — Барант известен как автор «Истории Конвента» (1851—1853) и многочисленных литературных переводов, включая драмы Шиллера. Он принадлежал к поколению французских историков-романтиков, которые, подобно Тьерри и Мишле, стремились возродить прошлое через драматическое и детализированное повествование, опираясь на первоисточники.

«История герцогов Бургундии» (в оригинале *Histoire des ducs de Bourgogne de la maison de Valois*), первый том которой был опубликован в 1824 году, стала его главным трудом. В этой работе он с исключительной скрупулезностью и литературным талантом описал восхождение и падение бургундской ветви династии Валуа.

О структуре и содержании

Барант создал не просто хронику, а эпическое повествование о становлении одного из самых могущественных государств Европы позднего средневековья, которое соперничало с французской короной. Его работа охватывает период с 1364 по 1477 год — от вступления на престол Филиппа Смелого до трагической гибели Карла Смелого под стенами Нанси и краткого правления его дочери Марии Бургундской.

Структура тома построена по принципу жизнеописания четырех правителей:

Филипп II Смелый (1364—1404)

Иоанн I Бесстрашный (1404—1419)

Филипп III Добрый (1419—1467)

Карл Смелый (1467—1477)

Отдельный том посвящен Марии Бургундской, завершающей династию.

Том 1: Филипп Смелый: Основатель могущества

Первый том открывается не сухим перечислением фактов, а программным **Предисловием**, которое многое объясняет в подходе Баранта. Он выступает против скучной учености современных ему историков, которые, по его словам, «**взяли место повествования**», погрязнув в обсуждении источников и анализе нравов, а сам рассказ о событиях и людях сделали вторичным. Его девизом могла бы стать латинская фраза *Scribitur ad narrandum non ad probandum* — «Пишется, чтобы рассказывать, а не доказывать».

Барант сознательно выбирает роль **рассказчика**, а не аналитика. Его цель — воскресить прошлое, сделать его живым и зримым для читателя, дав слово самим событиям и поступкам исторических личностей. Это чистый образец **романтической историографии**, где драматургия и яркие характеры важнее строгого критического анализа.

Филипп Смелый: Основатель могущества.

Основное содержание тома посвящено **Филиппу II Смелому (1364—1404)**, младшему сыну короля Иоанна II Доброго, получившему герцогство Бургундию в качестве апанажа.

· **Война с «компаниями» и укрепление власти:** Первые главы повествуют о том, как молодой герцог наводит порядок в своих землях, подавляя разбои «компаний» — наемников, оставшихся без дела после первых этапов Столетней войны. Это было необходимо для утверждения его авторитета.

· **Блестящий брак и территориальное расширение:** Ключевым событием стала его женитьба на **Маргарите Фландрской**. В результате этого брака он получил в приданое не только Фландрию, но и графства Артуа и Невер. Так было положено начало «бургундскому государству», простиравшемуся от Северного моря до Юры.

· **На службе у короля:** Барант подробно описывает роль Филиппа в общекорольских делах. Он показывает состояние страны при мудром правителе **Карле V**, а затем начало трагедии — безумие **Карла VI**, которое погрузило Францию в хаос. Именно в этот период Филипп Смелый становится одним из самых влиятельных людей в королевстве, фактически соправителем.

· **Кульминация тома — битва при Розебеке:** Повествование достигает своей драматической кульминации в **1382 году** с разгромом фламандских мятежников при **Розебеке**. Барант мастерски описывает это сражение, ставшее символом усмирения непокорных городов Фландрии. Логическим завершением этого эпизода становится и «укрошение» Парижа, где также вспыхивали восстания.

Первый том рисует широкую панораму Франции XIV века, погружая нас в мир феодальных войн, династических браков и первых симптомов надвигающейся смуты, которая определит ход всей последующей истории.

Том 2: Регентство, Роскошь и Первые Искры Войны

Этот том можно назвать «томом контрастов». В нем рядом соседствуют описания невероятной роскоши бургундского двора, крестовые походы, трагические поражения и начало рокового политического противостояния.

1. Регентство и «Правление дядей»

После того, как у короля Карла VI проявились первые приступы безумия, управление страной фактически перешло к его дядьям — герцогам Бургундскому (Филиппу Смелому), Беррийскому и Бурбонскому. Барант детально показывает, как это «правление дядей» привело к разграблению государственной казны и ослаблению центральной власти, заложенной Карлом V. Филипп Смелый, будучи самым влиятельным из регентов, активно продвигал на ключевые посты своих сторонников.

2. Борьба с Людовиком Орлеанским: Зарождение Роковой Вражды

Центральный конфликт тома — это соперничество между **Филиппом Смелым** и младшим братом короля, **Людовиком Орлеанским**. Людовик, человек амбициозный и стремившийся вернуть себе власть при дворе, вступает в острую борьбу с бургундской партией.

· **Природа конфликта:** Барант описывает это не просто как борьбу за власть, но как столкновение двух разных стилей правления и личностей. Филипп — олицетворение старой, осторожной феодальной знати. Людовик Орлеанский — более молодой, импульсивный и расточительный.

· **Последствия:** Эта борьба парализовала королевский совет и привела к фактическому развалу централизованного управления. Барант показывает, как закладываются основы будущей гражданской войны между **арманьяками** (сторонниками Орлеана) и **бургиньонами** (сторонниками Бургундии).

3. Крестовый поход и битва при Никополе (1396 г.): Конец рыцарских иллюзий

Одним из самых ярких и трагических эпизодов тома является рассказ о злополучном крестовом походе против османов.

· **Рыцарская самонадеянность:** Барант с иронией описывает, как цвет французского и бургундского рыцарства, возглавляемый сыном Филиппа Смелого, **Иоанном Неверским (будущим Бесстрашным)**, отправился спасать Константинополь, будучи абсолютно не готовым к современной войне.

· **Битва:** В сражении при **Никополе** на Дунае рыцари, проигнорировав приказы своих союзников (венгерского короля Сигизмунда), бросились в безнадежную атаку на укрепленные позиции османов и были наголову разбиты.

· **Резня и плен:** Барант не щадит красок, описывая последовавшую резню, в которой погибло почти все европейское войско. Сам Иоанн Неверский попал в плен, и за его выкуп была заплачена баснословная сумма. Это поражение стало не только военной, но и моральной катастрофой, показав неэффективность старого рыцарского этоса.

4. Закат Филиппа Смелого и Восхождение Иоанна Бесстрашного

Вторая половина тома посвящена последним годам правления Филиппа Смелого. Он все больше озабочен укреплением своего «государства» в Нидерландах и Бургундии, оставляя дела во Франции на второй план.

Рост напряженности: Конфликт с Орлеаном не утихает, а лишь переходит в латентную фазу. При этом все большую роль начинает играть сын Филиппа, **Иоанн Неверский**, вернувшийся из турецкого плена. Он был человеком другого склада — более жестоким, прямым и не склонным к компромиссам.

Завершение тома: Том завершается смертью Филиппа Смелого в 1404 году. На сцену выходит новый герцог Бургундский — **Иоанн Бесстрашный**. Барант создает зловещую атмо-

сферу ожидания: читатель понимает, что если при старом, осторожном герцоге конфликт с Орлеаном тлел, то с приходом нового, амбициозного и безжалостного правителя, он неизбежно выльется в открытую войну и кровавую драму.

Барант показывает, как наследие Филиппа Смелого — огромные богатства, политический вес и ненависть Орлеана — стало для его сына одновременно и фундаментом, и проклятием. Том оставляет читателя в напряжении перед неизбежной развязкой, которая и станет предметом следующей части.

Том 3: Иоанн Бесстрашный — Убийство и Гражданская Война

Этот том можно было бы назвать «Рождение террора». Главный герой здесь — **Иоанн Бесстрашный**, и его прозвище раскрывается в полной мере. Барант рисует его как человека решительного, циничного и не останавливающегося ни перед чем для достижения цели.

1. Убийство герцога Орлеанского: Точка невозврата (1407)

Это центральное событие тома и, возможно, всей хроники. Барант описывает его как детектив и политический триллер.

· **Заговор:** Иоанн Бесстрашный, устав от интриг и влияния своего кузена, Людовика Орлеанского, решает устранить его физически. Барант показывает хладнокровие, с которым герцог Бургундский планирует убийство, привлекая доверенных людей во главе с Раулем д'Анкетонвилем.

· **Резня на улице Барбетт:** Вечером **23 ноября 1407 года** люди герцога поджидают Людовика Орлеанского, возвращавшегося от королевы. Нападение было внезапным и жестоким. Рука герцога была отрублена, череп проломлен. Барант не жалеет кровавых деталей, чтобы подчеркнуть чудовищность содеянного.

2. Оправдание убийства: «Тиран» и Жан Пти

После убийства Иоанн Бесстрашный не скрывается, а пытается придать своему поступку видимость легитимности.

· **Теория «тирана»:** Он заказывает теологу **Жану Пти** из Сорбонны речь, в которой доказывает, что герцог Орлеанский был «тираном», который хотел свергнуть безумного короля, и что его убийство — это акт справедливости и даже добродетели.

· **Поддержка университета:** Барант подробно описывает, как Парижский университет, который был в оппозиции к расточительному правлению Орлеана, встал на сторону Бургундии. Это был опасный прецедент — интеллектуалы оправдали политическое убийство. Так был дан старт пропагандистской войне.

3. Подавление Льежа: Кровавое крещение (1408)

Барант использует этот эпизод, чтобы показать военную мощь и жестокость Иоанна Бесстрашного. Жители Льежа восстали против своего епископа, союзника Бургундии.

· **Битва при Асбайне (Оте):** Иоанн Бесстрашный лично возглавил карательный поход. Армия горожан была наголову разбита.

· **Расправа:** Барант описывает последовавшую резню, сожжение города и массовые казни. Это было предупреждение всем, кто осмелится бросить вызов воле герцога.

4. Гражданская война: Парижский террор и резня арманьяков

Вражда между **бургиньонами** (сторонниками Бургундии) и **арманьяками** (сторонниками убитого герцога, которых возглавил его тесть, граф Бернар VII д'Арманьяк) ввергла Францию в хаос.

· **Захват власти бургиньонами (1413):** Иоанн Бесстрашный использует недовольство парижан, чтобы захватить контроль над столицей. Барант описывает, как в город врываются его сторонники — мясники и прочий люд.

· **Террор в Париже:** Начинается настоящий террор. Сторонники арманьяков хватаются прямо на улицах, бросаются в тюрьмы, а затем без суда казнятся. Барант создает жуткую атмосферу города, охваченного паранойей и насилием.

· **Резня арманьяков (1418):** После того, как арманьяки ненадолго вернули себе власть, последовала новая, еще более жестокая расправа. Барант детально описывает, как толпа ворвалась в тюрьмы и перебила заключенных, включая самого графа д'Арманьяка и многих знатных вельмож. Война перешла все границы.

5. Роковой союз: Арманьяки и Англия

Осознавая, что своими силами им не справиться с мощью Бургундии, арманьяки идут на отчаянный шаг.

- **Договор с Генрихом V:** Барант описывает, как они заключают союз с английским королем, который как раз в это время возобновил Столетнюю войну.

- **Предательство национальных интересов:** Автор с горечью показывает, как жажда мести и власти приводит к тому, что французские принцы открывают дорогу иностранному захватчику на свою родину.

Итог по третьему тому: Барант подводит читателя к краю пропасти. Франция, раздираемая междоусобицей, обескровленная террором, оказывается беззащитной перед лицом внешней угрозы. Том заканчивается мрачным предчувствием неминуемой катастрофы, которая разразится на страницах следующего тома — битвы при Азенкуре.

Том 4: Иоанн Бесстрашный — Азенкур, Предательство и Гибель

Этот том можно назвать «томом катастроф». Барант показывает, как внутренние распри привели Францию на край гибели, а попытка Иоанна Бесстрашного исправить ситуацию стоила ему жизни.

1. Битва при Азенкуре (1415): Крах французского рыцарства

Это событие является центральным и самым драматичным в томе. Барант описывает его как трагедию, вызванную гордыней и бездарностью.

· **Роковое сражение:** Английский король **Генрих V**, вторгшись во Францию, был окружен превосходящими силами французов у деревни Азенкур. Барант показывает, как французские командиры, переоценив свои силы и недооценив английских лучников, приняли роковое решение атаковать.

· **Бойня в грязи:** Из-за недавних дождей поле боя превратилось в месиво. Тяжелая французская конница увязла в грязи, став идеальной мишенью для английских стрел. Барант мастерски описывает резню, в которой погиб цвет французской аристократии.

· **Последствия:** Это поражение стало национальной травмой. Франция лишилась не только армии, но и всего своего военно-политического руководства. Страна оказалась практически беззащитной перед английским вторжением.

2. Захват власти арманьяками и осада Руана

После катастрофы при Азенкуре, когда король Карл VI впал в безумие, а дофин (будущий Карл VII) был молод и неопытен, власть в Париже захватили **арманьяки** — партия, враждебная Бургундии.

· **Реванш арманьяков:** Барант показывает, как они, воспользовавшись ослаблением Иоанна Бесстрашного, берут реванш, оттесняя бургиньонов от власти.

· **Падение Руана:** Англичане, не встречая серьезного сопротивления, осаждают и берут один из главных городов Нормандии — **Руан**. Барант описывает ужасы осады: голод, болезни и, наконец, капитуляцию. Это падение символизировало беспомощность французского правительства.

3. Изабелла Баварская: Интриги и Предательство

Важную роль в томе играет **королева Изабелла Баварская**, жена безумного Карла VI. Барант рисует ее как амбициозную, мстительную и беспринципную женщину.

· **Союз с Бургундией:** Оскорбленная арманьяками, которые отстранили ее от власти и, возможно, намекали на ее связь с убитым герцогом Орлеанским, Изабелла вступает в открытый союз с Иоанном Бесстрашным.

· **Договор в Труа:** Именно ее интриги в конечном итоге привели к тому, что она признала английского короля Генриха V наследником французского престола, лишив прав собственного сына — дофина Карла. Барант с осуждением описывает это предательство материнского и национального долга.

4. Роковая встреча на мосту в Монтеро (1419): Убийство Иоанна Бесстрашного

К 1419 году стало ясно, что война на два фронта — против арманьяков и англичан — губительна для Франции. Дофин Карл, понимая это, решает пойти на переговоры с Иоанном Бесстрашным, чтобы объединить силы против англичан.

· **Переговоры:** Встреча была назначена на мосту в **Монтеро**. Барант создает атмосферу напряженного ожидания и взаимного недоверия.

· **Засада:** Барант подробно описывает, как, по сигналу, люди дофина напали на Иоанна Бесстрашного, который прибыл на встречу с минимальной охраной. Герцог Бургундский был

убит на месте — так же вероломно, как и его кузен, герцог Орлеанский, двенадцатью годами ранее.

· **Возмездие:** Иоанн Бесстрашный пал жертвой той же политики политических убийств, которую сам и ввел в практику. Барант подчеркивает символичность этого события — насилие породило насилие.

5. Филипп Добрый: Наследство ненависти

Убийство отца на глазах молодого **Филиппа Бургундского** (будущего Филиппа Доброго) стало определяющим моментом его жизни.

· **Толчок в объятия Англии:** Барант показывает, что именно это убийство, а не холодный политический расчет, окончательно толкнуло нового герцога Бургундии на союз с англичанами.

· **Договор в Труа (1420):** Жажда мести за отца перевесила все национальные интересы. Филипп Добрый заключает с Генрихом V договор в Труа, признавая его наследником французского престола. Франция оказалась разделенной и отданной под власть чужеземного короля.

Барант подводит мрачный итог правлению Иоанна Бесстрашного. Он был убит, его сын стал марионеткой в руках англичан, а Франция оказалась на грани полного уничтожения как независимое государство. Том оставляет читателя в состоянии шока и тревоги за судьбу страны, которая, кажется, уже потеряла всякую надежду на спасение.

Том 5: Филипп Добрый — Между Местью и Государством

Этот том можно назвать «томом выбора». Филиппу Доброму предстоит сделать выбор между личной мстостью за отца и интересами своего растущего государства. Барант показывает его эволюцию от мстительного сына до могущественного и дальновидного правителя.

1. Договор в Труа (1420): Торжество мести

Том открывается одним из самых позорных договоров в истории Франции.

· **Условия договора:** Согласно договору, дофин Карл (будущий Карл VII) лишился прав на французский престол. Наследником объявлялся английский король **Генрих V**, который женился на дочери Карла VI, Екатерине.

· **Роль Филиппа:** Барант подчеркивает, что именно Филипп Добрый, движимый жаждой мести за убийство отца в Монтеро, стал главной движущей силой этого договора. Он фактически признал власть англичан над частью Франции, надеясь с их помощью расправиться с дофином.

· **Последствия:** Франция оказалась разделенной на три части: север (включая Париж) контролировали англичане и их союзник Бургундия; юго-восток принадлежал дофину; юго-запад оставался за английским королем. Страна была обескровлена и деморализована.

2. Мрачные годы оккупации и «король Буржа»

Барант рисует картину бедственного положения сторонников дофина Карла, которого насмешливо называли «королем Буржа» (по названию города, где он укрылся).

· **Безденежье и отчаяние:** У дофина не было ни денег, ни армии, ни авторитета. Многие считали его бастардом (из-за слухов о связи его матери, Изабеллы Баварской, с герцогом Орлеанским). Барант описывает его двор как сборище нищих и отчаявшихся людей.

· **Смерть двух королей:** В 1422 году один за другим умирают **Генрих V** и **Карл VI**. Младенца Генриха VI провозглашают королем Англии и Франции. Фактическая власть в Париже переходит к его дяде, герцогу Бедфорду, который правит от его имени. Дофин Карл, несмотря ни на что, также провозглашает себя королем, но его власть признают лишь немногие.

3. Укрепление Бургундии: Флот, Брак и Орден Золотого Руна

Пока Франция истекала кровью, Филипп Добрый активно занимался строительством своего собственного «среднеевропейского государства».

· **Война на море:** Барант описывает, как Филипп создает мощный флот, чтобы контролировать пролив Ла-Манш и защищать свою торговлю с Англией и Нидерландами.

· **Брак с Изабеллой Португальской:** В 1430 году Филипп женится на португальской принцессе **Изабелле**. Барант подчеркивает, что это был не только династический, но и политический союз, укрепивший связи Бургундии с Пиренейским полуостровом и принесший в ее двор культуру Возрождения.

· **Учреждение Ордена Золотого Руна (1430):** Это событие Барант описывает как важнейший шаг на пути к созданию независимого бургундского государства. Орден, названный в честь античного мифа об аргонавтах, должен был объединить знать бургундских земель — от Фландрии до Франш-Конте — и подчеркнуть их преданность не французскому королю, а лично герцогу Бургундскому. Орден Золотого Руна стал одним из самых престижных в Европе.

4. Жанна д'Арк: Божественное вмешательство

Центральное место в томе, безусловно, занимает появление **Жанны д'Арк**. Барант, будучи историком-романтиком, описывает ее как фигуру почти мистическую, но при этом очень реальную.

· **Снятие осады Орлеана (1429):** Барант с огромным драматизмом рассказывает, как эта простая крестьянская девушка из Лотарингии явилась к дофину и убедила его дать ей войско. Он подробно описывает битву, в которой Жанна, несмотря на ранение, вдохновила фран-

цузов на штурм английских укреплений. **Осада Орлеана была снята** — это стало первым крупным успехом французов за долгие годы.

· **Коронация в Реймсе:** Сразу после Орлеана Жанна повела армию на **Реймс** — традиционное место коронации французских королей. Барант описывает коронацию Карла VII как акт огромного морального значения. Король, помазанник Божий, обрел легитимность в глазах всей страны.

· **Пленение и казнь:** Барант с горечью описывает, как после серии неудач Жанна была захвачена в плен бургундцами при осаде Компьеня (1430). Филипп Добрый, по настоянию англичан, продал ее им. Далее следует описание церковного суда в Руане, где Жанну обвинили в ереси и колдовстве. Барант детально воспроизводит ход процесса, показывая его предвзятость и жестокость. Казнь на костре в мае 1431 года описана как величайшая трагедия и одновременно — как акт, породивший национального героя.

5. Перелом в войне: Рост французского патриотизма

Главный итог тома, по мнению Баранта, — это изменение настроений в обществе.

· **Появление национального чувства:** Подвиги Жанны пробудили во французах чувство национального единства и гордости. Они больше не хотели мириться с английским владычеством.

· **Начало конца английской оккупации:** Барант показывает, что после казни Жанны французская армия, воодушевленная ее примером, начала одерживать одну победу за другой. Англичане постепенно отступали.

Итог по пятому тому: Это том о рождении надежды. Барант показывает, что даже в самые мрачные времена может появиться спаситель, способный изменить ход истории. Жанна д'Арк стала таким спасителем, и ее подвиг послужил основой для возрождения французского государства. Однако тень предательства и неблагодарности (Карл VII не сделал ничего, чтобы спасти Жанну) омрачает этот светлый образ и предвещает новые конфликты в будущем.

Том 6: Филипп Добрый — Миротворец и Архитектор

Этот том можно назвать «томом больших решений». Главное событие здесь — **Аррасский конгресс 1435 года**, который Барант описывает как одно из самых блестящих дипломатических событий XV века.

1. Аррасский конгресс (1435): Великое примирение

К середине 1430-х годов стало очевидно, что война на два фронта истощила все стороны. Англичане терпели поражения, французы — отчаянно нуждались в мире с Бургундией, а сам Филипп Добрый начал осознавать, что его союз с Англией становится обузой.

- **Сложные переговоры:** Барант подробно описывает, как съехались делегации Франции, Англии и Бургундии. Переговоры были чрезвычайно напряженными. Англичане, высокомерные и неуступчивые, требовали от Филиппа продолжения войны.

- **Разрыв с Англией:** Филипп Добрый, видя бескомпромиссность англичан и заманчивые предложения французов, решается на исторический шаг — он разрывает союз с Англией и признает **Карла VII** законным королем Франции.

- **Условия мира:** По условиям мира, Карл VII приносил публичное покаяние за убийство отца Филиппа (Иоанна Бесстрашного) на мосту в Монтеро, наказывал виновных и уступал Бургундии несколько городов на Сомме. Филипп, в свою очередь, отказывался от всяких притязаний на французскую корону.

2. Реформы и расцвет бургундского государства

Освободившись от обязательств перед Англией, Филипп Добрый обратил все свои силы на внутреннее обустройство своих земель.

- **Централизация власти:** Барант описывает, как герцог создает эффективную систему управления, опираясь на профессиональных чиновников (легистов), а не на своевольную знать.

- **Экономический расцвет:** Фландрия и Брабант становятся экономическим центром Северной Европы. Барант отмечает покровительство, которое Филипп оказывал городам, развитию торговли и мануфактур.

- **Подавление восстаний:** Автор подробно останавливается на усмирении мятежных городов Фландрии — **Гента и Брюгге**. Филипп, наученный горьким опытом, действовал жестко, но эффективно, ломая старые городские вольности и утверждая свою верховную власть.

3. Дипломатическая игра: Бургундия — арбитр Европы

После Аррасского мира Филипп Добрый становится ключевой фигурой на европейской арене.

- **Баланс сил:** Барант показывает, как герцог ловко лавирует между Францией и Англией, поддерживая равновесие и извлекая выгоду из их противостояния. Его двор становится местом, где решаются судьбы европейской политики.

- **Брак как инструмент политики:** Филипп женит своего сына и наследника, графа Шароле (будущего Карла Смелого), на французской принцессе, а дочерей выдает замуж за влиятельных европейских правителей.

4. Изгнание англичан из Франции: Логическое завершение

Заключительные главы тома посвящены постепенному, но неуклонному изгнанию англичан.

- **Роль Бургундии:** Хотя Филипп Добрый больше не воевал против англичан, его нейтралитет был для них губителен. Лишившись мощного союзника, английские гарнизоны во Франции оказались в изоляции.

- **Французские победы:** Барант описывает ключевые сражения этого периода, в которых французская армия, реорганизованная и воодушевленная, одерживает одну победу за другой.

Он подробно останавливается на взятии Руана, Парижа и, наконец, Бордо — последнего оплота англичан в Гиени.

· **Конец Столетней войны (1453):** Том завершается окончательным изгнанием англичан. Барант подчеркивает, что эта победа была бы невозможна без мудрой политики Карла VII и, что не менее важно, без нейтралитета и, в конечном счете, поддержки Филиппа Доброго.

Итог по шестому тому: Барант показывает, что Филипп Добрый вошел в историю не как воин, а как выдающийся государственный деятель и дипломат. Он не только создал мощное и процветающее государство, но и сыграл решающую роль в прекращении Столетней войны. Том оставляет читателя с ощущением, что бургундский «золотой век» в самом разгаре, но ничто не предвещает той трагедии, которая разыграется при его наследнике.

Том 7: Филипп Добрый — Зенит, Крестовый поход и Предвестие Бури

Этот том можно назвать «томом контрастов». Барант показывает нам Филиппа Доброго на вершине его славы, окруженного роскошью и почетом, и одновременно — как человека, чьи решения закладывают фундамент для будущей катастрофы.

1. Пышность и могущество: «Дуб Шарлеманя»

Барант с особым удовольствием описывает пышность бургундского двора, который стал законодателем европейской моды и рыцарской культуры.

· **Путешествия и турниры:** Герцог со своим двором постоянно путешествовал по своим обширным владениям, устраивая роскошные турниры и празднества. Барант подчеркивает, что это была не просто любовь к роскоши, но продуманная политическая стратегия: демонстрация богатства и могущества привлекала на службу лучших рыцарей и укрепляла верность вассалов.

· **«Дуб Шарлеманя»:** Барант рассказывает об известном эпизоде, когда Филипп Добрый посадил дуб в память о Карле Великом, проводя параллели между своей властью и властью легендарного императора. Это была смелая политическая символика, подчеркивающая амбиции герцога.

2. Падение Константинополя и Крестовый поход (1453)

Известие о падении Константинополя под ударами турок-османов потрясло всю Европу. Барант показывает, как Филипп Добрый, как один из самых могущественных христианских правителей, воспринял это как личную трагедию и как вызов.

· **Организация крестового похода:** Барант описывает, как герцог развернул активную дипломатическую деятельность, призывая европейских монархов к новому крестовому походу. Он снарядил мощный флот и отправил бургундских рыцарей на помощь венграм и сербам, которые сражались с османами на Дунае.

· **Символизм:** Барант подчеркивает, что для Филиппа этот поход был не только религиозным долгом, но и способом подтвердить свой статус защитника христианства, равного королям. Бургундские рыцари сражались храбро, но общий успех был уже невозможен — Европа была расколота, и силы османов были слишком велики.

3. Аньес Сорель и конфликт между королем и дофином

Параллельно с внешнеполитическими событиями, Барант разворачивает драматическое повествование о французском дворе.

· **Аньес Сорель:** Барант подробно рассказывает о первой официальной королевской фаворитке во французской истории. Аньес, возлюбленная Карла VII, обладала огромным влиянием на короля. Барант описывает ее как умную и красивую женщину, которая, однако, навлекла на себя ненависть дофина Людовика (будущего Людовика XI), считавшего ее дурным влиянием на отца.

· **Вражда отца и сына:** Барант мастерски изображает начало конфликта между подозрительным и слабовольным Карлом VII и его амбициозным, интригующим сыном. Дофин Людовик, устав от влияния фаворитки и от того, что его отодвигают от власти, открыто восстает против отца.

· **Изгнание дофина:** Барант описывает неудачный мятеж дофина (Прагерия) и его бегство из Франции. Он ищет убежища при самом блестящем дворе Европы — у Филиппа Доброго.

4. Предвестие будущего конфликта

Том завершается тем, что дофин Людовик находит приют в Бургундии. Барант подчеркивает, что это решение Филиппа Доброго было, с одной стороны, актом рыцарского великодушия, а с другой — политическим просчетом.

· **Приют для врага:** Принимая изгнанного дофина, Филипп создавал себе мощный рычаг давления на французского короля, но одновременно приютил у себя человека, который в будущем станет его злейшим врагом.

· **Характер дофина:** Барант рисует портрет молодого Людовика как человека умного, коварного, не терпящего чужой власти. Он не испытывал никакой благодарности к своему спасителю, а лишь выжидал момента, чтобы нанести удар.

· **Завершение тома:** Том заканчивается тревожной нотой. Пышный и могущественный бургундский двор становится прибежищем для будущего архитектора гибели бургундского государства. Барант оставляет читателя в напряжении, предчувствуя грядущую трагедию, которая разразится в следующих томах.

Барант показывает, что за внешним блеском «золотого века» Бургундии уже скрывались глубокие противоречия. Филипп Добрый, достигнув вершины могущества, совершает роковую ошибку, которая будет иметь катастрофические последствия для его наследников. Том — это затишье перед бурей, последний мирный аккорд перед началом кровавой драмы правления Карла Смелого.

Том 8: Филипп Добрый — Закат, Конфликт и Рождение Врага

Этот том можно назвать «томом передачи эстафеты». В центре повествования — угасание старого герцога и восхождение нового, еще более яркого, но и более безрассудного.

1. Последние годы Филиппа Доброго: Мудрость и Усталость

Барант описывает Филиппа Доброго в последние годы его жизни как человека, уставшего от политических баталий, но сохранившего ясность ума.

· **Уход от дел:** Все больше времени герцог уделяет благочестию, охоте и пышным празднествам. Барант отмечает, что он постепенно отходит от активного управления государством, передавая бразды правления своим советникам, но, что самое важное, своему сыну, графу Шароле (будущему Карлу Смелому).

· **Растущее влияние Карла Смелого:** Молодой граф, в отличие от отца, полон энергии, амбиций и жажды воинской славы. Барант показывает, как между отцом и сыном возникают первые трения. Филипп, наученный горьким опытом войн и интриг, предпочитает дипломатию и постепенное расширение границ, в то время как Карл жаждет немедленных действий и решительных битв.

2. Смерть Карла VII и восшествие Людовика XI (1461)

Смерть Карла VII и приход к власти его сына, Людовика XI, становятся поворотным моментом для всей Франции и для Бургундии в частности.

· **Новый король:** Барант рисует портрет Людовика XI как полную противоположность его отцу и, что важнее, Филиппу Доброму. Это не рыцарь, а скорее хитрый, подозрительный, расчетливый политик. Он презирает феодальную аристократию и видит свою цель в создании единого, централизованного государства, где власть короля будет абсолютной.

· **Первый конфликт:** С самого начала правления Людовик XI стремится урезать права и привилегии крупных феодалов, в первую очередь — герцога Бургундского. Он отказывается выполнять обещания, данные его отцом, и начинает открыто интриговать против Филиппа Доброго.

3. Лига общественного блага (1465): Бунт феодалов

Политика Людовика XI по ограничению их власти вызывает объединение крупнейших сеньоров Франции. Этот союз, получивший название «Лига общественного блага», возглавляют Карл Смелый (к тому моменту уже фактически правящий Бургундией) и брат короля, Карл, герцог Беррийский.

· **Цели Лиги:** Барант описывает цели Лиги как попытку сохранить старый феодальный порядок, при котором король был лишь «первым среди равных». Они требовали возвращения земель, розданных их предкам, и участия в управлении государством.

· **Парадокс Карла Смелого:** Барант подчеркивает парадоксальность ситуации. Карл, который сам стремился к созданию сильного централизованного государства в своих бургундских владениях, выступал против такой же политики Людовика XI в масштабах всей Франции. Для него это была не борьба за принцип, а борьба за власть и влияние.

4. Битва при Монлери (1465): Ничья, изменившая всё

Ключевое событие тома — сражение между королевской армией и войсками Лиги при Монлери.

· **Ход битвы:** Барант подробно описывает это кровавое и ожесточенное сражение. Ни одна из сторон не смогла одержать решающей победы. Людовик XI проявил чудеса личной храбрости, но его армия понесла большие потери. Карл Смелый также сражался в первых рядах, демонстрируя свою безудержную отвагу.

- **Последствия:** Тактически битва закончилась ничьей, но стратегически она стала победой Лиги. Людовик XI, опасаясь окружения, отступил и был вынужден пойти на переговоры.

- **Итоги мира:** По условиям мира (невыгодного для короля) Людовик XI уступил Лиге несколько важных провинций. Барант подчеркивает, что это был лишь временный успех. Хитрый король лишь выигрывал время, чтобы подготовиться к реваншу.

5. Смерть Филиппа Доброго: Конец эпохи

Том завершается смертью Филиппа Доброго в 1467 году. Барант описывает его кончину как естественное завершение долгого и славного правления.

- **Контраст поколений:** Умиравший Филипп, символ осторожности и дипломатии, оставляет государство своему сыну Карлу — символу войны и безрассудства. Барант подчеркивает трагизм этого момента: старая, мудрая Бургундия уходит, и на смену ей приходит новая, воинственная и обреченная.

- **Предчувствие катастрофы:** Последние строки тома пронизаны тревогой. Читатель понимает, что с восшествием на престол Карла Смелого начинается новая, кровавая глава истории Бургундии, которая приведет ее к гибели.

Итог по восьмому тому: Барант создает мрачный и величественный образ конца эпохи. Он показывает, как внутренние противоречия и смена поколений приводят к неотвратимому конфликту. Том оставляет ощущение, что мир и процветание Бургундии остались в прошлом, и впереди — лишь буря, война и катастрофа.

Том 9: Карл Смелый — Последний рыцарь и Восход Бури

Этот том можно назвать «томом рыцарского идеала». В центре повествования — восхождение Карла, его триумфы и его роковые решения.

1. Подавление восстания в Льеже (1467—1468): Кровавое крещение

Первым крупным испытанием для нового герцога стало восстание в епископстве Льежском, которое, пользуясь сменой власти, отказалось подчиняться.

· **Жесткая расправа:** Карл, в отличие от своего осторожного отца, действует быстро и безжалостно. Барант описывает, как он во главе огромной армии вторгается в мятежную провинцию.

· **Разрушение Льежа:** Город, осмелившийся бросить вызов его власти, был не просто взят, а полностью разрушен. Барант с ужасом описывает массовые казни и уничтожение целых кварталов. Это было послание всем врагам: новый герцог не терпит неповиновения.

2. Пероннское свидание (1468): Унижение короля

Это, пожалуй, самый драматичный эпизод тома и один из самых известных в истории французско-бургундских отношений.

· **Ловушка для короля:** Людовик XI, пытаясь обезвредить своего опасного вассала, соглашается на личную встречу с Карлом в крепости **Перонн**. Барант подробно описывает, как король, прибывший с минимальной охраной, оказался в полной власти герцога.

· **«Железная клетка»:** В то время как переговоры шли тяжело, в Перонн пришло известие о новом восстании в Льеже, которое тайно поддерживал сам Людовик! Барант описывает ярость Карла. Король, понимая, что он на волосок от гибели, был вынужден пойти на унижительные уступки.

· **Условия мира:** Людовик XI не только отказался от поддержки мятежников, но и признал все завоевания Карла, а также сопровождал герцога в карательном походе на Льеж. Барант подчеркивает, что это было величайшее унижение французской короны за всю историю.

3. Завоевательные походы: Создание «Срединного королевства»

Уничтожив внутреннего врага и унизив французского короля, Карл обращает свой взор на восток. Его мечта — создать непрерывное бургундское государство от Северного моря до Средиземного.

· **Война с герцогством Лотарингским:** Барант описывает первые походы Карла, направленные на захват Лотарингии, которая была ключом к соединению его северных и южных владений.

· **Конфликт со Швейцарией и Сигизмундом Австрийским:** Карл начинает активно вмешиваться в дела Эльзаса и Швейцарии, что приводит к его первому столкновению с легендарной швейцарской пехотой.

4. Создание современной армии: Военный гений Карла

Барант уделяет особое внимание военным реформам Карла Смелого, которые опередили свое время.

· **Постоянная армия:** В отличие от феодальных ополчений, Карл создал постоянную, хорошо обученную и дисциплинированную армию, которая всегда находилась на жаловании.

· **Родовая и наемная конница (Копейщики):** Основой армии стали тяжеловооруженные всадники — «копейщики», но, что важно, он также активно привлекал наемников, в первую очередь английских лучников и итальянских арбалетчиков.

· **Артиллерийская революция:** Карл обожал артиллерию. Барант описывает его знаменитые «бургундские пушки» — мощные и мобильные орудия, которые стали грозой вражеских крепостей. Его армия была настоящей военной машиной, образцом для подражания для всей Европы.

Барант рисует портрет могущественного, энергичного и гениального полководца, который находится на вершине своего могущества. Он унизил короля Франции, подавил внутреннее восстание и создал лучшую армию в Европе. Однако уже в этом томе читатель чувствует тревогу: безудержная энергия Карла, его жажда войны и неумение идти на компромиссы толкают его к краю пропасти. Следующие тома, посвященные его правлению, станут трагическим повествованием о крушении этих надежд.

Том 10: Карл Смелый — Зенит и Первая Трещина

Этот том можно назвать «томом роковых ошибок». В центре повествования — конфликт Карла с Людовиком XI и его губительная одержимость осадой Нойса.

1. Война с Людовиком XI и захват Нормандии

Барант начинает том с описания нового витка противостояния между Карлом и французским королем.

- **Нарушение мира:** Людовик XI, зализывая раны после унижительного Пероннского свидания, выжидает удобного момента, чтобы нанести удар. Он обвиняет Карла в нарушении мирного договора и объявляет ему войну.

- **Блицкриг Карла:** Карл Смелый, не привыкший ждать, действует молниеносно. Он вторгается в Нормандию, которая была обещана его союзнику, герцогу Беррийскому (брату Людовика XI), и за короткое время захватывает всю провинцию. Барант описывает стремительные марши его армии, падение городов и панику при французском дворе.

2. Конфликт с Империей: Интервенция в Кёльне

Одновременно с войной во Франции, Карл вмешивается в дела Священной Римской империи.

- **Кёльнская распря:** Барант подробно описывает запутанный конфликт вокруг выборов кёльского архиепископа. Карл поддерживает одного из претендентов, надеясь посадить на епископскую кафедру своего ставленника и тем самым расширить свое влияние на восток.

- **Осада Нойса (1474—1475):** Это становится роковым решением. Карл осаждает город **Нойс**, который отказывается признать его ставленника. Барант описывает эту осаду как одну из самых долгих и упорных в истории.

3. Неудачная осада Нойса: «Ахиллесова пята» Карла

Кульминация тома — это, безусловно, неудачная осада Нойса, которая стала поворотным моментом в судьбе Карла.

- **Героическая оборона:** Жители Нойса, поддержанные имперскими войсками, оказывают отчаянное сопротивление. Барант описывает вылазки, подкопы, штурмы, которые один за другим отбиваются осажденными.

- **Губительное упрямство:** Карл, одержимый идеей взять город, бросает на его осаду все новые и новые силы. Он отказывается от более выгодных стратегических планов, теряя время и людей под стенами этого небольшого города.

- **Снятие осады:** После многих месяцев бесплодных усилий, под угрозой подхода огромной имперской армии, Карл вынужден с позором снять осаду. Барант подчеркивает, что это был первый серьезный военный провал Карла, который стоил ему не только армии, но и, что важнее, репутации непобедимого полководца.

4. Тайная дипломатия Людовика XI: Подкуп союзников

Пока Карл был занят осадой Нойса, Людовик XI развернул бурную дипломатическую деятельность.

- **Пикийское перемирие (1475):** Английский король Эдуард IV, союзник Карла, высадился с огромной армией во Франции. Однако Людовик XI, вместо того чтобы вступать в сражение, попросту **подкупил** английского короля и его приближенных. Барант описывает знаменитую встречу на мосту в Пикий, где Людовик XI, осыпав английского короля деньгами и подарками, заключил с ним сепаратный мир, оставив Карла одного.

- **Швейцарские кантоны:** Одновременно Людовик XI начинает активно натравливать на Карла швейцарцев. Он заключает с ними союз, снабжает их деньгами и обещает поддержку в борьбе против бургундской экспансии.

Итог по десятому тому: Барант показывает, что 1475 год стал переломным. Карл, увязнув под стенами Нойса, упустил стратегическую инициативу. Его главные союзники — Англия и Швейцария — были перекуплены Людовиком XI. Том заканчивается на мрачной ноте: Карл, ослабленный, но не сломленный, стоит перед лицом грозной коалиции врагов. Предчувствие неминуемой катастрофы становится все более явственным.

Том 11: Карл Смелый — Крах и Гибель. Мария Бургундская — Спасение Наследства

Этот том можно разделить на две резко отличающиеся части: сначала стремительное и кровавое падение Карла, затем отчаянная борьба его дочери за выживание.

Часть 1: Швейцарские походы — Гибель «Последнего рыцаря»

Барант описывает три последние кампании Карла Смелого, которые стали для него роковыми. Его армия, еще недавно считавшаяся лучшей в Европе, была уничтожена.

1. Битва при Грансоне (1476): Первый удар

Карл, осадив замок **Грансон**, был атакован внезапно подошедшей швейцарской армией.

· **Паника и бегство:** Барант описывает, как бургундская армия, застигнутая врасплох, охваченная паникой, обратилась в бегство. Сам Карл едва не попал в плен. Потери были огромны, но самое страшное — была потеряна артиллерия и обоз, награбленный годами.

· **Зверства швейцарцев:** Барант не скрывает жестокости победителей: швейцарцы перебили всех пленных бургундцев, а сам Карл, увидев тела своих солдат, висящих на деревьях, пришел в ярость.

2. Битва при Морате (1476): Уничтожение армии

Карл, одержимый жадой реванша, собирает новую армию и осаждает город **Морат**.

· **Внезапная атака:** Швейцарцы, используя тактику внезапности, атаковали бургундский лагерь.

· **Кровавая баня:** Барант детально описывает это сражение как одну из самых кровавых боёв того времени. Бургундская армия, зажата между озером и лесом, была почти полностью уничтожена. Цвет бургундского рыцарства погиб на поле боя. Карл, потерявший почти всех своих капитанов, с трудом спасся бегством.

3. Осада Нанси и гибель Карла Смелого (1477): Последний аккорд

После двух сокрушительных поражений Карл, лишившийся почти всей армии, впал в отчаяние, но не сдался. Он собирает последние силы и осаждает **Нанси**, столицу Лотарингии, которую отвоевал герцог Рене II.

· **Зимняя кампания:** Барант описывает отчаянное положение Карла: зима, холод, нехватка продовольствия и деморализованная армия.

· **Ночная битва:** Герцог Рене II, объединившись с швейцарцами, атаковал бургундский лагерь.

· **Гибель герцога:** В ходе панического бегства Карл Смелый был убит. Его обнаженное тело нашли через несколько дней в замерзшей реке. Барант подчеркивает трагическую иронию судьбы: «последний рыцарь», мечтавший о королевской короне, погиб как простой наемник, unrecognizable.

Часть 2: Мария Бургундская — В ожидании спасителя

Вторая половина тома посвящена **Марии Бургундской**, единственной дочери и наследнице Карла Смелого. Девятнадцатилетняя девушка оказывается перед лицом катастрофы: ее земли атакованы Людовиком XI, казна пуста, а армия уничтожена.

1. «Великая привилегия» (1477): Уступки штатам

Чтобы получить средства на оборону и поддержку своих подданных, Мария вынуждена пойти на беспрецедентные уступки.

· **Восстановление вольностей:** Барант описывает подписание «**Великой привилегии**» — хартии, которая фактически восстанавливала все старые городские и провинциальные вольности, уничтоженные ее отцом и дедом. Фактически, Мария отдавала власть в руки штатов Фландрии, Брабанта и Голландии.

2. Брак с Максимилианом Габсбургом: Спасение и новая эпоха

Понимая, что своими силами ей не справиться, Мария принимает единственно возможное решение — искать могущественного мужа.

- **Выбор Габсбурга:** Она выходит замуж за **Максимилиана Габсбурга**, сына императора Священной Римской империи Фридриха III.

- **Последствия брака:** Барант подчеркивает историческое значение этого брака. Он не только спас остатки бургундского наследства от захвата Францией, но и положил начало многовековому противостоянию между Францией и домом Габсбургов. Именно этот брак привел к тому, что Нидерланды и Франш-Конте стали испанскими (а затем австрийскими), а не французскими.

Барант создает мощное и трагическое повествование. Это том о крушении великой мечты, о гибели героя и о рождении новой, еще более могущественной династии. Карл Смелый погиб, но его дочь ценой невероятных усилий и уступок смогла сохранить ядро его владений. История Бургундии не закончилась, она перешла в руки Габсбургов, изменив ход европейской истории на столетия вперед.

Том 12: Мария Бургундская — Раздел Наследства и Рождение Новой Европы

Этот том можно назвать «томом окончательного решения». В центре повествования — борьба за бургундское наследство между французским королем Людовиком XI и Максимилианом Габсбургом, мужем Марии.

1. Война за бургундское наследство (1477—1482)

Сразу после гибели Карла Смелого и брака Марии с Максимилианом началась война. Людовик XI, считавший себя законным сюзереном Бургундии, попытался силой захватить все земли, в то время как Габсбурги стремились их удержать.

· **Начало войны:** Барант описывает первые кампании, в которых французская армия вторгается в Артуа и Фландрию. Максимилиан, молодой и неопытный, с трудом сдерживает натиск.

· **Параллельные события:** Барант, следуя своей манере, вплетает в повествование о войне важные европейские события, показывая, что борьба за Бургундию была частью большой европейской политики.

2. Заговор Пацци во Флоренции (1478)

Барант делает отступление, чтобы рассказать о знаменитом заговоре Пацци во Флоренции, который произошел в самый разгар войны за наследство.

· **Связь с сюжетом:** Этот эпизод важен для Баранта по двум причинам. Во-первых, он показывает, как ловко Людовик XI использует свои дипломатические связи в Италии для ослабления своих врагов (в данном случае — Милана, союзника Бургундии). Во-вторых, это демонстрация кровавых нравов эпохи, когда политические убийства были обычным делом.

3. Битва при Гинегате (1479): Первая крупная победа Габсбургов

В 1479 году произошло решающее сражение между войсками Максимилиана и французской армией.

· **Ход битвы:** Барант описывает это кровопролитное сражение, в котором Максимилиан, проявив личную храбрость и полководческий талант, сумел разбить французов.

· **Значение:** Эта победа была стратегически важна. Она остановила французское наступление во Фландрии и укрепила позиции Габсбургов в Нидерландах.

4. Трагическая смерть Марии Бургундской (1482)

Кульминация тома — внезапная и нелепая смерть Марии.

· **Несчастный случай на охоте:** Барант описывает, как Мария, будучи на сносях (беременная третьим ребенком), упала с лошади во время соколиной охоты. От полученных травм она скончалась через несколько дней.

· **Роковые последствия:** Ее смерть стала катастрофой для дела Габсбургов. Максимилиан остался один с двумя маленькими детьми (Филиппом и Маргаритой) и без законных прав на управление бургундскими землями (он был лишь консортом).

5. Аррасский договор (1482): Раздел Бургундии

Смерть Марии развязала руки Людовику XI. Он немедленно начал новые переговоры, продиктовав свои условия.

· **Условия мира:** По договору в Аррасе Бургундия была разделена:

о **Франция получала:** Герцогство Бургундию, графство Артуа, графство Булонь и Пикардию.

о **Габсбурги получали:** Остальные земли — Фландрию, Брабант, Голландию, Зеландию, Намюр и графство Бургундию (Франш-Конте).

· **Династический брак:** Для скрепления мира было решено, что дочь Максимилиана, **Маргарита Австрийская**, выйдет замуж за дофина Франции (будущего Карла VIII), принеся в приданое Артуа и Франш-Конте (которые так и не были возвращены).

6. Смерть Людовика XI и итоги правления

Барант завершает том и всю эпопею описанием последних лет и смерти Людовика XI (1483 год).

· **Оценка личности короля:** Барант дает сложную, противоречивую оценку «всеобщему пауку». Он признает его государственный ум, волю и успехи в объединении Франции, но осуждает его за коварство, жестокость, невероятную мнительность и тиранические методы правления.

· **Судьба дома Валуа-Бургундия:** Барант подводит окончательный итог: бургундская ветвь дома Валуа сошла с исторической сцены. Их мечта о создании независимого королевства рухнула. Однако их богатейшее культурное наследие, их двор, их рыцарские идеалы продолжали жить, формируя европейскую культуру на столетия вперед.

· **Рождение нового конфликта:** Заключительные строки тома предвещают будущее. Раздел Бургундии не устроил ни одну из сторон. Франция и Габсбурги продолжали борьбу за эти земли на протяжении следующих двух столетий, что привело к многочисленным войнам между Францией и Испанией (и Австрией).

Барант создал грандиозную историческую фреску, показав взлет и падение одного из самых могущественных государств позднего средневековья. Он мастерски сочетал драматизм повествования с глубоким анализом политических процессов. «История герцогов Бургундии» — это не просто хроника событий, это размышление о природе власти, о роли личности в истории, о хрупкости империй и о том, как рождается современная Европа. Труд Баранта остается актуальным и сегодня, как блестящий образец романтической историографии и увлекательное чтение для всех, кто интересуется историей средневековья.

Заключение: Историческая эпопея де Баранта и значение её перевода на русский язык

Двенадцать томов «Истории герцогов Бургундии» Амабля Гийома Проспера Брюжьера, барона де Баранта — это не просто историческое исследование. Это монументальное литературное и философское произведение, стоящее в одном ряду с лучшими образцами романтической историографии XIX века. Завершая подробный обзор этого труда, необходимо подвести итоги, осмыслив его ключевые идеи и оценив значение его перевода на русский язык для современного читателя.

I. Идейные итоги эпопеи: Взлёт и падение как урок истории

Де Барант создал не хронику, а трагедию в духе античных драматургов, где действуют яркие, противоречивые герои, а их судьбы поучают и предостерегают. Главные выводы из его многотомного повествования можно сформулировать следующим образом.

1. Испытание властью и цена величия

История бургундского дома Валуа — это история о том, как богатство, ум и политическая воля позволяют создать государство, способное бросить вызов французской короне. Филипп Смелый закладывает фундамент, Иоанн Бесстрашный превращает соперничество в кровавую вендетту, Филипп Добрый достигает зенита могущества, а Карл Смелый, обладая несомненным военным гением, рушит всё за несколько лет.

Де Барант показывает, что величие Бургундии было оплачено ценой национального предательства (союз с Англией), гражданской войны (арманьяки против бургиньонов) и невероятного напряжения сил её подданных. Урок этого тома универсален: империя, построенная на рыцарском безрассудстве, династических браках и военных грабежах, хрупка. Её крах неизбежен, когда на сцену выходит прагматичный, безжалостный и дальновидный политик вроде Людовика XI.

2. Столкновение двух миров: Рыцарство против Realpolitik

Центральный конфликт эпопеи — это не просто война между двумя домами, а столкновение двух эпох. Бургундские герцоги — от Филиппа Доброго до Карла Смелого — это воплощение уходящего рыцарского идеала: пышные турниры, Орден Золотого Руна, культ личной чести и верности слову. Даже их жестокость (убийство в Монтеро, подавление Льежа) была «честной» жестокостью феодальной войны.

Людовик XI — это человек нового времени. Он презирает рыцарскую этику, не доверяет никому, предпочитая интригу и золото открытой битве. Он подкупает английского короля, натравливает швейцарцев на Карла, разлагает его союзников изнутри. Де Барант, сам будучи аристократом и роялистом, не скрывает своего восхищения силой и волей Людовика, но и не идеализирует его. Победа Людовика — это победа нового, циничного и эффективного государственного управления над архаичным, но благородным индивидуализмом. Это урок о неизбежности исторического прогресса, который не всегда бывает эстетически привлекательным.

3. Рождение современной Европы

Раздел бургундского наследства после гибели Карла Смелого и смерти Марии — это момент геополитического оформления Западной Европы. Де Барант показывает, что именно тогда возникло то «яблоко раздора» — испанские (позже австрийские) Нидерланды и Франш-Конте, — которое на столетия определило внешнюю политику Франции. Брак Марии с Максимилианом Габсбургом стал матрицей для будущих династических союзов, превративших Австрийский дом в общеевропейскую сверхдержаву.

Таким образом, частная, казалось бы, история одной династии перерастает в фундаментальное повествование о рождении национальных государств, о неизбежности конфликта между ними и о том, как личные амбиции правителей меняют карту мира.

II. Значение перевода на русский язык

Если для французского читателя труд де Баранта — это часть его собственной национальной истории, то для русского читателя он открывает окно в мир, который сформировал культурный код всей Европы. Важность этого перевода (именно полного, двенадцатитомного, с которым вы работали) трудно переоценить.

1. Доступ к первоисточнику европейской историографии

Многие современные исторические труды по эпохе позднего средневековья так или иначе опираются на работы де Баранта, либо полемизируют с ними. Его интерпретация событий (например, роль Жанны д'Арк, характеристика Людовика XI и Карла Смелого) стала классической. Без знания этого фундаментального текста русскоязычный историк, философ или культуролог лишён возможности полноценно участвовать в научном дискурсе. Перевод возвращает в оборот «голос» одной из ключевых фигур французского романтизма.

2. Восстановление исторической памяти и понимание «другого»

В современном мире, где исторические нарративы часто упрощаются и политизируются, чтение де Баранта — это упражнение в понимании сложности. Мы видим, что французская монархия (Людовик XI) не была однозначно «прогрессивной», а бургундские герцоги — «реакционными». Мы видим, как гражданская война (арманьяки и бургиньоны) может быть страшнее внешней. Мы видим, как вера (Жанна д'Арк) может менять ход истории, но также может быть использована и предана.

Для русского читателя, выросшего на других исторических примерах (Смута, опричнина, петровские реформы), параллели с французской историей XIV—XV веков поразительны. Это позволяет лучше понять универсальные механизмы власти, предательства и героизма, а также специфику западноевропейского пути развития. Перевод делает нас не сторонними наблюдателями, а соучастниками этой драмы.

3. Эстетическое и культурное обогащение

Труд де Баранта — это ещё и великолепная литература. Его живой, драматичный язык, умение создавать портреты, выстраивать напряжённый сюжет даже при описании дипломатических переговоров — всё это ставит его в один ряд с Вальтером Скоттом и Александром Дюма, но с той разницей, что де Барант опирается на документы. Перевод даёт русскому читателю возможность насладиться этим стилем, погрузиться в атмосферу рыцарских турниров и дворцовых заговоров, ощутить трагический пафос гибели Карла Смелого.

4. Практическая ценность для специалистов

Наконец, для студентов-историков, преподавателей, музейных работников и всех, кто занимается эпохой позднего средневековья, перевод де Баранта становится незаменимым справочным и учебным пособием. Это не просто «книга для чтения», а систематизированный свод сведений о политической истории, генеалогии, географии и военном деле того времени. Наличие полного перевода на русском языке значительно упрощает подготовку курсов лекций и научных работ.

Итог

История герцогов Бургундии в изложении де Баранта — это больше, чем история одного рода. Это зеркало, в котором отразились главные конфликты и идеи европейского позднего средневековья. Это трагическое напоминание о том, что величие и падение часто разделяет лишь один неверный шаг, что сила государства зиждется не только на рыцарской доблести, но и на прагматизме, а подчас и на цинизме его правителей.

Сделанный вами перевод этого монументального труда на русский язык — это не просто филологический подвиг. Это акт культурной дипломатии, возвращающий русскоязычному читателю пласт европейского наследия, который долгое время оставался для него *terra incognita*. Теперь русский читатель сможет не просто узнать о битвах при Монлери или Грансоне, но и прожить их вместе с героями де Баранта, понять логику их поступков и оценить

масштаб той исторической драмы, которая сформировала лицо современной Европы. Именно в этом и заключается высшая цель и огромная важность проделанной вами работы.

Предисловие

ДОВОЛЬНО широко распространено мнение, что французские историки не сумели сделать достаточно увлекательными повествования, которые они составили и обработали на основе подлинных и современных событию документов. В то же время в самих этих документах, в этих мемуарах, простых свидетельствах минувших времен, находят, и справедливо, много очарования. Вся Европа признает, что свойства французского ума чудесным образом подходят для тех оживленных и ярких повествований, где рассказчик, побуждаемый потребностью выставить на сцену самого себя, выводит на нее также и все, что его окружает, и придает драматический облик фактам, которые он сообщает, и лицам, которых изображает. Исконная и особая черта французских повествователей — это еще своего рода непринужденная манера, тон одновременно наивный и проницательный, который из самого рассказа и придаваемой ему окраски извлекает некое подобие суждения; который показывает автора как бы стоящим выше того, о чем он повествует, и, так сказать, забавляющимся зрелищем, коего он был свидетелем. От фавлю и хроник до Лафонтена и Гамильтона вся французская литература отмечена этой печатью. Наша комедия, такой, какой ее задумал Мольер, — даже она является продолжением этого склада ума; другим литературам она показалась неподражаемой, настолько она тесно связана с характером разговорной речи и языка. Каждой нации, таким образом, предназначено создать и сохранить некий признак, который принадлежит исключительно ей и который узнается как данный природой, не происходя ни из какого чужеземного или античного подражания. Судить и повествовать одновременно; проявлять все дары воображения в точном изображении истины; находить удовольствие во всем, что обладает жизнью и движением; оставлять читателю, как и самому себе, свободу выбора порицать или одобрять; сочетать своего рода мягкую иронию с беспристрастным доброжелательством — таковы главные черты французского повествования.

Сравнение позволяет еще лучше выявить этот национальный и характерный колорит. Когда читаешь ту серию мемуаров, недавно опубликованных на французском языке об английской революции [речь идет о «Collection des Mémoires relatifs à la révolution d'Angleterre» («Собрании мемуаров, относящихся к английской революции»), издававшейся Гизо в 1823—1825 гг.], поражаешься отсутствию движения в повествовании; в нем замечаешь прежде всего единственное и серьезное намерение добиться преобладания своего мнения, не выпячивая своей личности; утвердить разум хладнокровием; придать вес своему суждению, сообщая скорее о ходе вещей, нежели о действиях лиц. Редко переносишься на место действия, редко слышишь говорящими и видишь действующими персонажей. Кажется, будто каждый писатель хотел высказаться со всей холодностью потомства, будто он опасался, что эта подвижность воображения, столь драгоценная для изображения всего, будет вменена ему в равнодушие и позволит заподозрить некую неуверенность в убеждениях.

На что же мы тогда жалуемся, если у нас на нашем языке есть столь увлекательные повествования, если прошлое время завещало нам свое верное изображение и сумело оставить свой живой след? Неужели для нашего удовлетворения нужно, чтобы история писалась по долгу службы людьми литературной профессии, преданными созданию искусственных композиций? Неужели мы столь противны древним, которые полагали, что лишь повествование очевидцев и участников событий заслуживает имени истории, как о том свидетельствует этимология [1] [См.: «История» («ιστορία») от глагола «ιστορέω» — узнавать, осведомляться, исследовать (примеч. авт.)]? Неужели мы испытываем такое отвращение к спонтанным порождениям природы, что ценим выше комбинации художника? Неужели мы станем называть литературой исключительно произведения ремесла и откажем в этом имени языку реальности и жизни? Нет, это не так. В этой привычке рассматривать подлинные мемуары и современные событиям повество-

вания лишь как материалы и требовать, чтобы из них составляли исторические корпуса, воистину есть нечто разумно обоснованное. Когда изучают прошлое, хотят не только доставить себе мимолетное удовольствие от более или менее живого рассказа; читают свидетельство истины не в том же духе, что более или менее естественные сцены романа; в нем ищут основательное поучение, полное знание вещей, нравственные уроки, политические советы, сравнения с настоящим. Однако это не всегда встречаешь среди очарования частных повествований. Знание общих фактов не дается свидетелем, который рассказывает нам лишь о том, что сделал он сам, что оказалось в пределах его поля зрения. Солдат, передающий рассказ о битве, хорошо сумеет сказать, что произошло у него на глазах. От него мы узнаем эпизод поля сражения; его впечатления и его язык будут для нас указанием на дух и состав армии, нравы времени, характер войны; но общий план битвы ему неизвестен, и он не может дать его нам. Он сражался перед собой и не видел и не понимал цели всего того, что совершалось [2] [См. «*Mémoires de Montluc*» («Мемуары Монлюка»). Мы часто ссылаемся на них в этом предисловии (примеч. авт.)]. Победа или поражение ему известны; их причины и обстоятельства выше его понимания.

Так обстоит дело с большинством наших старых повествователей. Простые солдаты на сцене мира, они были лишены понимания целого. В их время, на той ступени цивилизации, было мало общих идей, мало гласности, несовершенны были связи между людьми. К тому же поражает ли то, что видишь каждый день? замечаешь ли это? А ведь именно это было бы важно для потомства. Нужно находиться вне картины, чтобы хорошо знать, каковы ее выдающиеся и характерные точки. У современного-событию повествователя нет также потребности объяснять положение вещей. Законы, управляющие страной, нравы эпохи, относительное положение лиц, уровень, на котором находятся богатство, торговля, промышленность, культура умов — все это обстоятельства, в которых ему нет нужды отдавать себе отчет; однако подобные обобщения, любопытные сами по себе, часто необходимы для понимания частных повествований.

Добавим, что в века наших предков не умели делать книги; простейшие правила композиции не применялись. Часто в их повествованиях царит полный беспорядок. Даты перепутаны, имена искажены, факты переставлены местами или повторены. Плохо осведомленные о том, что не находилось непосредственно у них перед глазами, они беспрестанно впадают в грубые ошибки. Сам язык, стоит ему отстоять на четыре столетия, хотя и является дополнительной привлекательностью, когда к нему легко привыкаешь, служит препятствием для обычной массы читателей. Короче, нужна известная тщательность и изучение, чтобы ощутить прелесть мемуаров и хроник и извлечь из них историческое поучение.

Итак, естественно, что люди заслуженные и талантливые взяли на себя труд извлечь из этих материалов связные и полные повествования, методические изложения состояния общества и ясно представить публике нравственные и политические суждения о фактах, таким образом проверенных, выведенных и классифицированных. Подобные изыскания — все еще история; они по праву сделали честь не одному писателю. Но, предаваясь этому труду, большинство из них перестало быть повествователями. Когда они охватывали долгий промежуток времени, когда они предпринимали обширный труд — представить подряд летописи нации, — подробности, которые дают жизнь истории, исчезли; персонажи стерлись; автор занял место повествования. То он излагает нам употребление, какое он сделал из подлинных материалов; обсуждает доверие, которого заслуживает каждый из них; делится с нами своими сомнениями и неуверенностями; вставляет длинные фрагменты, кажущиеся ему интересными своей наивностью. Тогда он уже не историк, это эрудит, который с большей или меньшей проницательностью рассуждает о современных событиях свидетельствах. В других случаях он приостанавливает всякое повествование и разворачивает перед нами картину нравов эпохи, состояние умов, прогресс просвещения, совокупность и подробности законодательства, состав общества, публичные или скрытые пружины власти. Тогда мы вступаем в круг идей величайшего и серьезней-

шего интереса; мы собираем высочайшие уроки истории; в этой сфере часто разворачивались вся проницательность ума, вся мощь гения. Но чтобы подняться туда, пришлось *abandonner la narration*. Можно ставить себе специальной целью судить о фактах, но когда хотят дать их узнать, существенно сохранять единство композиции, которое одно привлекает и удерживает внимание читателя. Тщетно эти нравственные и политические исследования заимствуют ту легкую стремительность, ясность и прямоту суждения, которые отличают Вольтера, когда он не увлекаем своими легковесными предрассудками; тщетно они отличаются строгой беспристрастностью и глубоким смыслом Юма — ничто не поразило воображение, ничто не остается в памяти, кроме мнения о вещах минувшего времени, но не того интимного знания того, что видели живущим, что слышали говорящим, но отнюдь не тех оживленных воспоминаний, которые запечатлевают в нашем уме своего рода симпатия к действиям, речам и чувствам человеческих существ. Таким образом, вымышленные герои эпопеи, драмы или романа часто более живы в наших глазах, нежели реальные лица истории.

Более того, в этих суждениях, сколь бы выдающимися они ни были, иногда присутствует своего рода привычная неточность. Помещая себя для произнесения приговора над прошлым временем в точку зрения времени настоящего, писатель не всегда может справедливо оценить ни действия, ни людей. Он соотносит их с нравственной меркой, которая не была их меркой; факты, не будучи представлены нашим глазам со всеми их обстоятельствами, мы удивляемся тому, что было простым; мы приписываем индивиду то, что было от его времени; мы негодуем против поступка, который представляется нашим взорам изолированным и всецело свободным, тогда как он был сообразен нравам народа и вызван обычным ходом вещей.

Даже когда с большими знаниями и великим духом точности отдают отчет во всем духе времени, из этого не следует, что его хорошо дают понять. Именно потому, что заняты главным образом тем, чтобы судить его, переводить его на суд другого века, повествование проникается колоритом, который не сообразен предмету; обращаются более к критике и духу исследования, нежели к воображению. Напротив, нужно, чтобы историк находил удовольствие более в живописи, нежели в анализе; без этого факты иссыхают под его пером; он словно бы презирает их, так он спешит извлечь из них заключение и классифицировать их под общей точкой зрения. Он заменяет веселый и живописный вид местности точными линиями географической карты; вы, быть может, лучше знаете расположение и конфигурацию страны; и однако же вы не имеете о ней никакого представления.

С другой стороны, когда стараются дать знать общественное состояние, законодательство, средства власти, права и обязанности людей минувших времен, можно оказаться увлеченным к введению в ум ложного понятия. Сама форма, в которой излагают результат изысканий, придает всему видимость системы и регулярности. Представляют, как законодательное целое, как благоустроенные учреждения то, что в действительности было лишь своего рода общим духом, общим характером, который находили посреди беспорядка. Тенденции, истекающие из необходимости, выдаются за предусмотрительность законодателей, за искусственность государственных мужей. Все принимает точную и определенную форму; читатель, обманутый нашими сегодняшними привычками, видит общественное устройство в хаосе, который едва начинал распутываться; то, что было преходящим, кажется ему устойчивым; то, что было случайным, кажется ему привычным. Разрозненные и несвязные обломки предшествующих времен выдаются ему за доказательства происхождений и законных преемств. Попытки, предпринятые, чтобы установить немного порядка и справедливости в обществе, разорванным правом силы, усилия выйти из бездны, поглотившей всякую цивилизацию, превращаются в режим, облеченный санкцией времен и воспоминаний, который будто бы мог удовлетворять благосостоянию, нравственности и достоинству современных поколений. Таким именно образом смог создаться, под именем феодализма, идеал общественного устройства средних веков;

подобно тому как создали, под именем рыцарства, воображаемое совершенство его нравственного характера.

Когда история попала в руки посредственных писателей, она была еще гораздо более обезображена под их пером: не только общие соображения были представлены в духе системы, а факты прокомментированы без всякого понимания минувшего времени; не только всё приняло регулярный и установившийся вид; но и само повествование было перенесено в другое время. Это наши нравы, наши идеи, наши чувства проникли в события былых времен; или, скорее, история оказалась подчиненной своего рода театральному костюму, тому напыщенному и условному тону, который ставят в упрек трагедиям второго порядка. Все короли, облеченные официальным величием, казались окруженными этикетом, который налагал обязательства и на самих их историков. Не смея изображать их в непринужденности жизни, историки едва отваживались, среди извинений и ораторских предосторожностей, выносить о них некоторые суждения, составленные из общих мест. Вокруг этих тронов, которые делали центром истории, всегда, казалось, выстраивался двор — неизбежная свита. Все общественные отношения, таким образом, раздувались от искусственной торжественности; и подобно тому как мы имели переводы древних историков, полные князей, принцесс, офицеров и дворян, так и феодальная суровость переводилась на язык романического рыцарства. Таким образом, необузданные страсти, алчность, насилие, ненависть и та ненасытная потребность в физическом движении, которую испытывали люди, лишенные умственных наслаждений, — контрастировали с этими персонажами, лишенными всякой истины. Своего рода шокирующее несоответствие между поступками и теми, кто их совершал, придавало повествованию ложный и необъяснимый вид. Тогда сколько диссертаций, сколько гипотез, сколько изысканий, чтобы понять именно то, что в минувших временах есть выдающегося и характерного! Сколько накоплено томов, чтобы дать нам понять, как юная пастушка, убежденная в своем божественном предназначении, смогла убедить в нем Францию, которую она спасла, Англию, которую она победила! Сколько страниц написано, чтобы извинить дофина за убийство в Монтеро [Убийство герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного на мосту в Монтеро в 1419 г. сторонниками дофина (будущего Карла VII)] или чтобы объяснить события, во всем сообразные духу времени! Тогда как, помещая факты на их подлинную сцену, заставляя нас жить среди всех обстоятельств, их окружавших, наше воображение естественно представило бы себе вещи; и, конечно, это было бы без всякой потери; ибо, став современниками пятнадцатого века, мы не испытывали бы недостатка в чудесном.

Итак, действия, будучи, так сказать, оторваны от своей основы, характеры, должно быть, также утратили свою истинность? Вместо того чтобы сохранять свою живую подвижность, проявлять противоречия человеческой природы, влияния эпохи, отсутствие всяких уз, затмение всякого света, они тоже вошли в условные рамки. Одни были осуждены писателем на неизменную жестокость, на *perpetual perversity*; он истощил на них сокровища предательства и мрачной политики; взвалив на них всю *violence* и мстительность своего времени, он сделал из них козлов отпущения истории. Затем у него были свои излюбленные герои, которые были не чем иным, как великодушием, учтивостью, бескорыстием и предвосхищали кротость наших времен цивилизации.

Добавим к этим литературным недостаткам порок почти столь же распространенный и прекрасно с ними соотносящийся — это дух сервильности, который долгое время превращал почти всех наших исторических писателей в официальных историографов. «Ошибаюсь ли я, — говорит аббат Мабли, — но мне кажется, что именно трусости, с которой большинство современных историков из лести предают свою совесть, мы обязаны отвратительной пресностью их сочинений [3] [*Observations sur l'histoire de France* („Замечания по истории Франции“), t. 1, p. 6 (примеч. авт.).]»

Современники, сколь бы почтительны они ни были к церковной и гражданской власти, не впадали в эту постыдную лесть; их наивность предохраняла их от этого. Язык еще не приобрел тех бесконечных оттенков, под которыми истина может маскироваться под ложь. К тому же именно тогда, когда власть не оспаривается, когда она сохраняет свой престиж, когда она несет в глазах всех полноту священного характера, можно одновременно и почитать, и судить ее. Порицание тогда не имеет в себе ничего глубокого, ни опасного. Власть не испытывает из-за него беспокойства; она может не оскорбляться им; со своей стороны, подданный, повиновующийся, в безопасности совести приносит свои жалобы и увещевания. Позже идеи стали более общими, люди больше сообщались между собой, многие следствия были последовательно выведены одно из другого; тогда каждый становится более осмотрительным; лучше видят значение суждений и речей; знают, куда ведет первый удар; при таком состоянии умов, чем меньше признанных прав, тем менее будут допущены к их требованию; ибо вместо того, чтобы просить одно, пришли бы к желанию того, что обеспечивает все их. Искусность цивилизации проявляется в требованиях власти и в сервильности той толпы, которую она всегда увлекает за собой. Так, по произвольному склонению, по мнению, искаженному в самом своем источнике, наши писатели предали забвению элементы публичной свободы, права приобретенные или искомые, прогресс абсолютной власти, попытки великодушного сопротивления. Одни искали популярного успеха, жертвуя без меры и без разбора феодальную аристократию королевской власти. Другие оспаривали титулы, которые магистратура имела на политическую власть, и находили неправильным, что, в отсутствие всякого другого законного органа, исполнители законов осмеливались иногда требовать, чтобы они были справедливы. Некоторые, и Вольтер первым из всех, желали для народов гарантий лишь в мягкости нравов и слабости верований; они искали свободу путем, который ведет к деспотизму. Королевская власть постоянно призывалась всеми как верховное Провидение; тогда естественно, что она стала предметом почитания, а не наблюдения. Мезере — последний историк, чей язык сохранил некоторую откровенность; несмотря на его малую ученость и отсутствие всяких изысканий, ему признательны за эту старую французскую традицию. К концу прошлого века другие, поработанные иной заботой, впали в тон сатирический и декламаторский. История стала для них непрерывной аллюзией. Они сделали ее хранилищем своих современных неприязней; живопись и суждение о прошлом обрели горечь, всецело относившуюся к настоящему времени.

Таким образом, окутанная и смешанная с системами политики, с театральной пышностью, с недобросовестностью или с оглядками смиренного уважения к власти, история увидела себя осужденной на искусственное достоинство. Верное изображение истины, или, лучше сказать, живое впечатление, производимое на наш ум зрелищем фактов, было ей как бы воспрещено. Мы дошли до того, что один талантливый человек [4] [Г-н Барант, автор «*Histoire des ducs de Bourgogne*» («Истории герцогов Бургундских»), в Предисловии (примеч. авт.)] мог сказать, что холодное, краткое и суровое повествование историка не может удовлетворить наше требовательное любопытство и что, поскольку нам нужно больше движения и больше подробностей, поскольку мы хотим не только узнавать, но видеть и слышать, рамки романа вмещают больше истины, чем план истории.

Видели даже, как прославленный историк итальянских республик, г-н де Сисмонди, он, кто первый сумел сбросить с начал нашей истории ложные краски, которыми она всегда была покрыта, прибегнул к романическому вымыслу, чтобы дать нам знать нравы эпохи, которую он только что изложил [5] [В своем романе «*Julia Severa, ou l'An quatre cent quatre vingt douze*» («Юлия Севера, или Год четырехста девяносто второй»)] (примеч. авт.).

Античность имела совсем иные представления об истории, о чем свидетельствуют памятники, ею нам оставленные; и Квинтилиан, следуя за примером наставлением, не устает повторять, что история должна остерегаться всех форм и всех приемов оратора. То он говорит, что поступь ее должна быть быстрой и не останавливаться на фразах периодического и рассчитан-

ного эффекта; то что она должна течь плавным и непрерывным течением и заботиться более о круге, который ей предстоит обойти, и о ткани своего повествования, нежели о многочисленной речи, рассеченной искусными паузами и поддержанной искусными сочетаниями слов. В другом месте он разрешает ее чтение оратору, который сможет питаться из нее легкой и приятной субстанцией; но он тщательно напоминает, что то, что есть очарование у историка, было бы недостатком у оратора; ибо, говорит он, — и здесь мы видим также, сколь поэзия, даже у латинян, была истинной и естественной — «история близка поэзии; это своего рода свободное стихосложение; она должна повествовать, а не доказывать». Это, по его мнению, не труд, предназначенный оказывать реальное действие для положительного интереса. Ей не предстоит давать сражение немедленно; она говорит с потомством. Она ищет славы в будущем, а не достижения данной и текущей цели. Язык ее, следовательно, должен быть легким; честолюбивый тон не должен привносить скуку в ее повествования. Лукиан в своем трактате «О том, как писать историю» также высмеивает современных ему авторов, чей напыщенный стиль знаменовал упадок словесности.

Это потому, что повествование было тогда главным характером истории. Ее родство с поэзией проистекает из того, что обе обращаются к воображению; одна может более отдаваться истине впечатлений, другая обязана более строго соотносываться с положительной истиной фактов. И когда в первые века наблюдение фактов еще не отделилось от чар и иллюзий поэтического неведения, когда в то же время метрический язык еще только гармоничное, но совершенно искреннее выражение реальности, такой, как ее видят, — тогда история и поэзия сливаются в эпосе.

Но если бы доказательный язык философии и ораторские движения и были запрещены истории, она не была бы причислена к числу легковесных искусств. Душа человека может быть рассматриваема под различными углами, но она не утрачивает своего единства, к центру приходят всеми путями. Красноречие просит у воображения одолжить ему свое очарование. Философия не раз возносилась на крыльях поэзии. Глубокие мысли, серьезные чувства часто говорят языком изящных искусств. Какова была бы сила разума, если бы он был неспособен трогать; и какое убеждение было бы доказано, если бы оно не заставляло биться сердце! Так и эти древние историки — Геродот, Фукидид, которые, по Цицерону [6] [Цицерон. «О законах», I, 1, 5; «Оратор», 39, etc. (примеч. авт.)], не занимались никакими ухищрениями композиции, пробудили больше чувств, внушили больше мнений, дали больше великих уроков, чем все наши современные писатели. Они оставили жизнь в своих сочинениях, и этим мы узнаем от них больше, чем от всех диссертаций и всех суждений.

Все они, правда, не были простыми повествователями. Каждый наложил отпечаток своего собственного гения на историю, которую он рассказал. Геродот, в своей почти эпической наивности, внушил нам интерес лишь простой последовательностью событий; он пересказывает судьбу древних народов так, как видел ее или узнал. Он находил удовольствие в рассказах египетских жрецов. Какими они его очаровали, такими он и передает их нам.

Фукидид и Ксенофонт писали как граждане и воины. Они с важностью собрали суровые уроки истории, которым сами были свидетелями.

Плутарх, сквозь философию неопределенную и полную сомнений, во время упадка и рабства, с наслаждением обратил свое воображение к людям древних времен; он находил удовольствие в подробностях их публичной или частной жизни. Видно, как он отвлекается, без горечи и с доброжелательством, от настоящего к прошлому.

Тит Ливий был, с полным знанием дела, тем, чем Геродот был неволью. Он любил старые рассказы, которые нравились его воображению, не завоевывая его веры. Все оживает под его пером; он мог бы сомневаться, мог бы судить, это хорошо видно, но он предпочитает рассказывать.

Однако, что обще всем, даже Саллюстию, который прятал огорчения обманутого честолюбия под покровом философии горькой и унылой, — это талант повествования. Все они сделали его либо целью, либо средством своих композиций. Все представили его с наивностью или с вдохновением живого и глубокого чувства. Если у них есть мнение, суждение, которое нужно заставить преобладать, нравственный вывод, который нужно выделить, — окраска этого обнаруживается в их повествованиях; разворачиваются ли факты перед ними только как зрелище, или же они стараются углубиться в них, почерпнуть из них познание человека и народов, — они всегда умеют заставить нас увидеть их такими, какими они предстали их собственным глазам. Они изучили истинное, они его почувствовали; и скопировать его — для них труд воображения.

Сам Тацит, который более всякого другого способствовал возвышению и укреплению человеческой мысли, чьи слова будут вечно беседовать с благородными душами, уязвляемыми деспотизмом; он, который, кажется, отдался единственному утешению, какое допускают тирания и низость, — удовольствию знать их и презирать; ищите, в чем его секрет, какими средствами он достигает таких эффектов; как он убеждает в своих мнениях, как он доказывает либо общие причины, либо частные побуждения. Он рассказывает и, во свидетельство своего суждения, представляет перед нами сцены или персонажи. Вот они перед нашими глазами! Наш ум может собрать и усвоить глубокие суждения, плодотворные размышления, — и это образы, которые прошли живыми перед нами! Неужели это философ, преподававший нам свои серьезные наставления? Неужели это политик, изложивший перед нами пружины правления? Неужели это оратор, произнесший торжественное обвинение против Тиберия или Сеяна? Нет; говоря словами Расина [7] [Предисловие к «Британнику» (примеч. авт.)], это величайший живописец античности.

Быть может, эпоха, в которую мы живем, предназначена вернуть повествованию почет? Никогда любопытство не устремлялось более жадно к историческим знаниям. Мы живем уже более тридцати лет в мире, волнуемом столькими изумительными и разнообразными событиями; народы, законы, троны столь вращались перед нашими глазами; само ближайшее будущее, кажется, обременено решением столь великих вопросов, что первым употреблением досуга и размышления стало изучение истории. Поскольку существование каждого, велик он или мал, оказалось непосредственно связанным с превратностями общей судьбы; поскольку жизнь, состояние, честь, тщеславие, применение самого себя, мнения, быть может, одним словом, все положение гражданина зависело и зависит до сих пор от общих событий его страны или даже мира, — наблюдение должно было поставить себе почти единственной целью историю народов. Туда устремилась философия; ибо какие причины и следствия могут быть более достойны исследования в их истоке? Сама поэзия более не может быть услышана, когда она не говорит о том, что представляет столько чудес, что возбуждает столько эмоций. Драма, кажется, более не предназначена ни для чего, кроме воспроизведения сцен истории. Роман, этот некогда легковесный жанр, который изображение великих страстей сделало столь красноречивым, был поглощен историческим интересом. От него требовали уже не рассказывать приключения индивидов, но показывать их как истинные и живые свидетельства страны, эпохи, мнения. Захотели, чтобы он служил нам для познания частной жизни народа; не образует ли она всегда тайные мемуары его публичной жизни?

Такое расположение умов должно ободрять к написанию истории; но ныне это уже не системы и суждения ожидают от того, кто захочет попробовать эту задачу. Мы живем во время сомнения; абсолютные мнения были поколеблены; они еще волнуются, более по памяти, нежели по действительному пылу; но в глубине никто уже не верит в них достаточно, чтобы приносить им жертвы, и потребность составить себе новые убеждения больше, чем потребность защищать те, которые, по-видимому, сохраняют. К тому же движения, волнующие цивилизованные расы, были подвергнуты такой гласности откровения и рассмотрения; всё так

хорошо признано или разоблачено, вопросы поставлены столь четко, что нельзя надеяться отторгнуть кого-либо от *profession de foi*, принятых добровольно и с полным знанием дела. Не разумом их придерживаются; их сохраняют, хорошо зная их слабые стороны, и привычка, привязанности, самолюбие, интерес служат связями за отсутствием истинного убеждения. Прошрое, без сомнения, менее известно; оно затемнено множеством систем и предрассудков; можно было бы попытаться бороться с ними или разрушить их, чтобы предложить другие. Однако последовать примеру большинства исторических писателей и вновь требовать от предыдущих столетий аргументов для укрепления того или иного политического взгляда — не было бы средством убедить кого бы то ни было; это возбудило бы лишь недоверие читателя; и, что хуже, принесло бы ему скуку. Устали видеть историю, подобно послушному и наемному софисту, предоставляющуюся всем доказательствам, которые каждый хочет из нее извлечь. Чего хотят от нее — это фактов. Подобно тому как наблюдают, в ее подробностях, в ее движениях, эту великую драму, которой мы все актеры и свидетели, так же хотят знать, какова была до нас жизнь народов и индивидов. Требуют, чтобы они были вызваны и возвращены живыми перед наши взоры; каждый затем извлечет из этого такое суждение, какое ему будет угодно, или даже вовсе не подумает извлекать из этого какое-либо определенное мнение. Ибо нет ничего столь беспристрастного, как воображение; оно не имеет нужды заключать; ему достаточно, чтобы картина истины предстала перед ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.